

Р.В.Филиппов

ПИОНЕРЫ
МАРКСИЗМА
В РОССИИ

1883-1893 гг.

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

Р.В.Филиппов

ПИОНЕРЫ МАРКСИЗМА В РОССИИ

1883-1893 гг.

Историографический
очерк

Дом Плеханова"
№ 89-3748/6

Москва
Издательство
политической
литературы
1989

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Часть I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА	11
Глава 1. Первый период истории российской социал-демократии в ленинской концепции генезиса РСДРП	12
Глава 2. Российское социал-демократическое движение 1883—1893 гг. в советской историографической литературе	68
§ 1. Изучение ленинской концепции	—
§ 2. Историографические обзоры	93
Часть II. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1917 — СЕРЕДИНЫ 1930-х гг.	119
Глава 1. Идеино-политическая борьба вокруг вопроса о роли Г. В. Плеханова и группы «Освобождение труда» в российском революционном движении.	130
Глава 2. Российская социал-демократия 1883—1893 гг. в учебниках по истории партии	155
Глава 3. Дискуссии 20 — начала 30-х гг. о предшественниках революционной социал-демократии	175
Глава 4. Проблема перехода революционной мысли России на позиции научного социализма	216
Глава 5. Роль группы «Освобождение труда» в теоретическом основании российской социал-демократии	254
Глава 6. Изучение социал-демократических кружков и групп 80 — начала 90-х гг.	289
Глава 7. Казанский и самарский периоды жизни и деятельности В. И. Ленина	328
Послесловие	352
Указатель имен	361

РОЛЬ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»
В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ОСНОВАНИИ
РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

...Наука не может быть подчиняема
внешним требованиям,
ее истины не должны быть искажаемы
в угодность частным и временным интересам.

Н. Г. Чернышевский

В историко-партийной литературе 20 — начала 30-х гг. проблема теоретического основания российской социал-демократии не заняла того места, которое было бы адекватно масштабу поисков и достижений пионеров марксистской мысли в нашей стране. Это относится прежде всего к группе «Освобождение труда». Ее действительные заслуги в этом отношении, глубоко и всесторонне выясненные — с теоретико-методологической точки зрения — В. И. Лениным задолго до Октября 1917 г., должны были, казалось бы, стимулировать изучение именно этой стороны деятельности Плеханова и его соратников: с нею вождь большевистской партии связывал рождение «русского марксизма», выработку в приложении к России теории рабочего социализма, теории русских социал-демократов¹.

Очевидно, что только конкретно-историческое изучение проблемы в разрезе этой методологической установки могло обеспечить ее строго научную постановку, а в связи с этим и решение всех основных вопросов дальнейшего творческого развития марксистской теории, разработки общепартийной Программы, принятой на II съезде РСДРП.

В действительности же историографическая картина предстает перед нами в крайне сложном и причудливом сочетании взаимоисключающих тенденций, идей и оценок. С одной стороны, мы видим здесь настойчивое стремление историков следовать ленинским оценкам, с другой — отступление от них, что неизбежно влекло за собой ошибки методологического характера и в конечном счете искажение общей картины теоретической работы группы «Освобождение труда», а также других кружков и групп марксистского направления.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 245.

В марксистских исследованиях начала 20-х гг. оценка роли группы «Освобождение труда», Г. В. Плеханова в создании «теории русских социал-демократов» еще только намечалась, формулировалась в самом общем виде, причем значение ее скорее переоценивалось, нежели недооценивалось. Тем не менее постепенно утверждалась та точка зрения, которая методологически опиралась на ленинские оценки. Сформулированное еще в 1923 г. положение А. С. Бубнова о группе как родоначальнице социал-демократии, заложившей «теоретический фундамент для революционной пролетарской партии в России»¹, стало в известной мере установочным для историков партии. Это положение, вопреки всевозможным шатаниям в оценке программного наследия группы «Освобождение труда», Бубнов почти дословно повторил и в 1931 г.², как бы подчеркивая тем самым устойчивость определенной историографической традиции, которая действительно оказалась наиболее плодотворной для того времени.

Эту традицию утверждал, хотя и не всегда последовательно, В. И. Невский. Он писал в 1924 г., что на долю группы «Освобождение труда» выпало сыграть «колоссальную роль в деле как теоретического обоснования, так затем и практического развития и укрепления русской социал-демократии и русского рабочего движения, а стало быть, и той партии, из которой выкристаллизовалась наша Коммунистическая партия»³. Историк особо подчеркивал, что Плеханов как создатель и теоретик первой марксистской группы в России, будучи одним из самых блестящих учеников Маркса и Энгельса, «лучше, чем кто-либо другой, владел диалектическим методом Маркса», в силу чего сумел внести немало ценного в развитие теории научного социализма и «очень много дал... в области развития русской мысли вообще».

Сквозь призму этих не чуждых определенного преувеличения оценок Невский рассматривал ту сторону теоретической деятельности группы «Освобождение труда», которая была непосредственно связана с первыми попытками применения учения Маркса к условиям России, с упрочением марксистского направления в российском революционном движении. Общие взгляды на характер идейной

¹ См.: Бубнов А. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России. С. 7.

² См.: Бубнов А. ВКП(б). М.; Л., 1931. С. 10.

³ Невский В. И. Предисловие // Историко-революционный сборник. Т. 2. С. 3.

эволюции чернопеределчества не помешали историку ближе других авторов подойти к пониманию того, что принципиальной гранью, разделившей утопический социализм народничества и научный социализм, явилось *целостное* восприятие последнего именно группой «Освобождение труда». При этом Невский исходил из признания творческого отношения Плеханова к марксизму. В брошюре последнего «Социализм и политическая борьба» он увидел блестящий образец изложения взглядов Маркса и, главное, применение их к русской действительности¹. На этой стороне воззрений группы «Освобождение труда» автор делал основной акцент при анализе всех других ее программных документов.

Необходимо заметить, что в первых работах Невского этот анализ не всегда был достаточно глубок и точен, поскольку еще не были установлены ни датировка второго проекта программы группы «Освобождение труда», ни атрибуция письма «К товарищам». В своих «Очерках» этим письмом автор иллюстрировал мысль о глубоко критическом отношении «наиболее вдумчивых» чернопеределцев к своим взглядам и старым методам борьбы «задолго до возникновения официально существующей первой группы социал-демократов...»².

Это, конечно, внесло путаницу в аргументацию автора и привело к противоречивым представлениям о самом процессе идейного развития группы «Освобождение труда», Г. В. Плеханова. С одной стороны, он склонен был считать, что группа в течение 80-х гг. сама еще только искала точной формулировки своих взглядов, только вырабатывала свою программу³. С другой стороны, он утверждал, что уже осенью 1883 г. группа Плеханова заложила «первый теоретический фундамент рабочей партии и программы в России»⁴; именно с появлением извещения о создании «Библиотеки современного социализма» он связывал начало новой эры в истории русского революционного движения. «...Кончилась доисторическая эпоха,— писал Невский,— начиналась новая, социал-демократическая»⁵.

В Плеханове автор видел прежде всего теоретика, за-

¹ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 185.

² См. там же. С. 217—220.

³ См. там же. С. 269.

⁴ Там же.

⁵ Невский В. И. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. С. 29.

ложившего «прочный фундамент научного социализма и первые основы рабочей социалистической партии в России»¹. В этой связи он неизменно подчеркивал огромное идейное влияние группы «Освобождение труда» на развитие революционной социал-демократии в России², считал, что каждая социал-демократическая организация испытала на себе ее идейное влияние³. К сожалению, этот вывод, вполне подтвержденный позднее, не получил в работах Невского достаточно обоснования; в известной мере он подрывался навязанной Н. Л. Сергиевским мыслью о совершенно самостоятельной выработке своего мировоззрения марксистами внутрирусской струи социал-демократического движения⁴.

С позиций более или менее последовательного историзма Невский подходил к оценке первых двух проектов программы группы «Освобождение труда». Усматривая в их «несовершенстве» отражение «переходного момента», переживаемого революционной мыслью страны, он выяснял неблагоприятные условия, при которых Плеханову приходилось делать «свою основную работу: выковырять основы программы русской социал-демократии и критикой расчищать утопический сор, который накопился от предыдущих периодов революционного движения и буквально мешал двинуться хоть на шаг вперед»⁵.

Хотя Невский преувеличивал (вслед за Д. Б. Рязановым) «разницу» между первым и вторым проектами программы группы «Освобождение труда», он тем не менее в основном верно характеризовал постановку в них вопроса о терроре, захвате власти и, что особенно важно, об отношении к крестьянству. Он полагал, что во втором проекте программы деятели группы изжили последние иллюзии в отношении террора как средства политической борьбы, дали более цельное и последовательное решение проблемы овладения правительственной властью, высказали принципиально иной взгляд на пути вовлечения крестьянства

¹ Невский В. И. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. С. 30.

² См. там же. Ср.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 269. См. также предисловие Невского в кн.: Группа «Освобождение труда»: (Библиография за 50 лет). М., 1934. С. 6.

³ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 339.

⁴ См. там же. С. 267; *Его же*: Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. С. 32.

⁵ Невский В. И. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. С. 32.

«в русле всемирно-исторического движения»¹. Объективно оценивал Невский и взгляды Плеханова на задачи русской социал-демократии, что имело важное значение для правильной постановки вопроса о влиянии группы «Освобождение труда» на тактические искания первых марксистов в самой России.

В этой связи Невский сделал попытку осветить вопрос о взглядах Плеханова и Аксельрода на отношение социал-демократии к буржуазно-либеральному обществу. Не сумев вскрыть смысл и основные идеи, изложенные в статье Плеханова «Всероссийское разорение», и не обратив внимания на последующие его разъяснения по этому поводу, историк нашел его трактовку вопроса «неправильной» и «неясной», а «ясную» точку зрения Аксельрода по вопросу о роли буржуазии в предстоящей революции признал «неприемлемой для социал-демократии»².

В целом же свои взгляды на группу «Освобождение труда» как основательницу русской социал-демократии, впервые сформулировавшую основные теоретические положения марксизма в применении к России, Невский базировал на известных положениях В. И. Ленина. Заслуга историка как раз и состояла в том, что он одним из первых сумел взглянуть на проблему теоретического основания русской социал-демократии с ленинских позиций. Это имело очень важное значение для правильной постановки важнейших вопросов идеологии первых социал-демократических кружков и групп в России. При всем несовершенстве принципиальных обобщений Невского, не устранивших противоречия между признанием огромного идейного влияния группы «Освобождение труда» на русское революционное движение 80—90-х гг., с одной стороны, и мыслью о совершенно самостоятельной выработке марксистского мировоззрения внутрироссийскими кружками того времени — с другой, они нацеливали историков на более глубокое осознание теоретико-методологического и историографического значения работ В. И. Ленина для подлинно научного подхода к изучению предыстории и истории РСДРП.

К сожалению, плодотворное историографическое направление, наметившееся в работах А. С. Бубнова, В. И. Невского и некоторых других историков, стало постепенно заслоняться тенденциями, вольно или невольно при-

¹ См.: Невский В. И. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. С. 32.

² См. там же. С. 42—44.

нижавшими исторические заслуги группы «Освобождение труда» в деле основания русской социал-демократии.

В утверждении этих тенденций известную роль сыграли работы М. Н. Покровского, чей авторитет среди историков-марксистов в 20-е гг. был исключительно велик. Как уже отмечалось, еще в своем «Сжатом очерке» он признавал наличие в России к 90-м гг. «русского марксизма» — «выработанной и разработанной теории классовый борьбы пролетариата». Но ни здесь, ни в более поздних его исследованиях мы не найдем развернутого анализа того, что он, вслед за Лениным, называл «русским марксизмом». Это, несомненно, связано с его поисками «корней большевизма» и предшественников Плеханова в народнической среде, что логически вело к принижению не только влияния идей группы «Освобождение труда» на революционную мысль 80-х гг., но и ее роли в разработке теории и программы российской социал-демократии. Если в «Сжатом очерке» содержатся лишь поверхностные указания на основные положения «Наших разногласий» наряду с мыслью, что здесь «даны уже все почти основные идеи, которыми питалась русская марксистская литература до самого конца XIX века» и что лишь «Искра» уже в XX в. «пошла дальше»¹, то в «Очерках по истории революционного движения...» Покровский обратился к анализу программных проектов 1884 и 1885 гг.

Этот анализ оказался весьма поверхностным, поскольку автор подошел к первым, по его определению, социал-демократическим программам лишь с точки зрения *дальнейшего*, еще более решительного (по сравнению с «Программой рабочих членов партии «Народная воля») отхода от старой идеологии². Полностью игнорируя заложенные в плехановских документах важнейшие программные требования, блестяще суммированные Лениным еще в 1899 г.³, Покровский сосредоточил внимание на постановке в них аграрно-крестьянского вопроса. Но и здесь его анализ оказался в полном противоречии с имеющей общеметодологическое значение ленинской оценкой плехановских проектов и их аграрной части. Автор даже не упомянул основное требование обоих проектов («радикальный пересмотр» аграрных отношений), не заметил наличия в

¹ См.: Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1—2. С. 268—270.

² См.: Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 80—81.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 216, 254—255.

них тех важнейших положений, которые всегда признавали и защищали русские социал-демократы¹.

Не сумел Покровский вскрыть и главный недостаток программы Плеханова по аграрному вопросу. Противопоставив без должной аргументации оба проекта друг другу, он нашел, что выраженное в первом проекте отношение группы «Освобождение труда» к крестьянству было лишь «фиговым листком», прикрывающим ее боязнь этого класса в качестве субъекта революционного действия. Поэтому, утверждал Покровский, во втором проекте (он ошибочно относил его к 1887 г.) «фигового листка» уже нет, поскольку крестьянство объявлено «реакционной силой». Приписав Плеханову сугубо однозначное решение вопроса о роли крестьянства («от мужика политически один вред»), он объявил это решение «плехановской традицией» и, порывая с историзмом (не говоря уже о фактах), прямолинейно связал ее с позицией меньшевиков периода революции 1905—1907 гг. Эту позицию, коренящуюся будто бы в обеих программах группы «Освобождение труда», он объяснял реакцией на «народническую революцию»².

Указывая на спор между большевиками и меньшевиками и углубляя его в чисто модернизаторском духе, историк утверждал, что постановка крестьянского вопроса и теми и другими тянется к 80-м и первому десятилетию 900-х гг. Произвольное истолкование отдельных положений плехановской аграрной программы позволило Покровскому оставить без внимания ее обоснование в работе «Социализм и политическая борьба»³, не говоря уже о «Наших разногласиях», где особо подчеркивалось: программа группы «не жертвует деревней в интересах города, не игнорирует крестьянства ради промышленных рабочих. Она ставит своей задачей организацию социально-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения»⁴. И это была та единственно правильная для своего времени постановка вопроса, которую Плеханов затем развивал, освобождаясь от взгляда на политическое безразличие и умственную отсталость крестьянства как «главнейшую опору абсолютизма», и настаивал на необходимости употребить все усилия соци-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 273; Т. 12. С. 242—243.

² См.: Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 81—82.

³ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 2. С. 87—88.

⁴ Там же. С. 353.

ал-демократов, чтобы «внести в его среду революционное сознание...»¹.

Односторонняя оценка программных документов группы «Освобождение труда» ярко проявилась в подходе Покровского к вопросу о плехановском понимании гегемонии рабочего класса в 80-е гг. «Там выходит,— писал он,— что как будто рабочий класс ведет за собой только самого себя или в лучшем случае буржуазию, внушая ей бодрость, веру в будущее, надежду на свои силы и, таким образом, внушая ей стремление бороться с самодержавием,— такими словами оканчивается... вторая программа группы «Освобождение труда» 1888 года»². Такого крупного историка, как Покровский, трудно заподозрить в том, что он знал эту программу только понаслышке. Но слов этих в указанном документе нет, а те, что есть, не дают никакого основания для подобной интерпретации.

Напротив, Плеханов говорит здесь о требованиях рабочей партии, добиваясь которых она только и могла бы проложить себе «широкий путь для сближения с земледельческим населением». Если бы Покровский дал себе труд проанализировать его работу «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», то он смог бы убедиться, что развитие этой мысли у Плеханова шло в приближении к идее союза рабочего класса не только с демократическими элементами «общества», но также с крестьянской беднотой и сельским пролетариатом³. Ясно, что эта сторона взглядов Плеханова никак не умещается в прокрустово ложе той мнимой «плехановской традиции», которую Покровский связывал с «классическим» меньшевизмом.

Таким образом, Покровский недialeктически вырывал программные документы группы «Освобождение труда» из той исторической ситуации, в которой они создавались, и не захотел проследить развитие заложенных в них идей в марксистских работах Плеханова 80 — начала 90-х гг., сопоставить их с программами западноевропейских социал-демократических партий. Важно отметить, что ленинский анализ проектов программы группы «Освобождение труда» (как, впрочем, и общая оценка ее теоретической работы) остался в данном случае за пределами суждений Покровского. Тем самым маститый ученый невольно соз-

¹ Плеханов Г. В. Соч. М.; Л., 1925. Т. 9. С. 27, 46.

² Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 86.

³ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 3. С. 409—410.

давал прецедент, который оказался вполне достаточным для тенденциозного принижения и просто грубого искажения теоретического творчества Плеханова и его группы в исследованиях многих советских историков (Н. Л. Сергиевский, В. Рахметов, Ф. Быстрых, М. Поташ, С. Черномордик и др.).

В 20-е гг. от своих прежних оценок вклада группы «Освобождение труда» в теоретическое основание русской социал-демократии отступил Н. Н. Батурич. Теперь он настаивал на «антинародническом по преимуществу содержании» марксизма группы, что и приводило «к антикрестьянскому направлению» ее социал-демократической пропаганды. «Рабочий вопрос», полагал историк, если не совершенно заслонял, то, по крайней мере, отодвигал на задний план какое бы то ни было отношение ее к крестьянству. При этом он утверждал, что на протяжении 80-х гг. «антикрестьянское направление группы «Освобождение труда» не ослабевало, а усиливалось»¹. На основе подобных умозрительных заключений Батурич ставил под сомнение «преемственную связь между марксизмом группы «Освобождение труда» и ленинизмом», что и было подвергнуто критике П. Н. Лепешинским даже в то время, когда он сам находил в программном творчестве группы «принципиальные основы оппортунизма»². Но в начале 20-х гг. он был еще далек от этой установки и рассматривал плехановскую группу как специальную лабораторию революционной мысли, в которой марксизм был усвоен в качестве нового метода революционной борьбы в России. Главная задача группы, по его мнению, состояла в том, что «члены ее (главным образом, Плеханов), вооружившись с ног до головы теоретическими основами научного социализма, смело и решительно дали бой всем представителям различных «наших направлений» — по всей линии вопросов, недостаточное разрешение которых загнало в безысходный тупик русское революционное движение 60-х и 70-х годов»³.

Большой шаг назад от безусловно точных ленинских оценок исторической роли группы «Освобождение труда» в создании основ социал-демократического воззрения в России сделал Н. Л. Сергиевский. В 1924 г. он выступил

¹ Батурич Н. Н. «Искра» и Ленин // Сочинения. М.; Л., 1930. С. 342—343.

² См.: История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2. С. 266.

³ Лепешинский П. Объяснительная записка к программе по истории РКП // Пролетарская революция. 1922. № 3. С. 91.

со статьей о соотношении идеологии группы «Освобождение труда» с идеологией других марксистских групп 80-х гг. Автор не отвергал заслугу плехановской группы «по части разработки марксизма и приложения его к российской действительности», но фактически обесценивал ее необоснованным признанием наличия к 1883 г. «марксистской идеологии в революционных сферах России и практических попыток утверждения и образования марксистской партии»¹. На основе поверхностного анализа первого проекта программы группы он усматривал в ее идейном облике лишь «уклон к марксизму», правда, преобладающий над другими идейными влияниями. Такой взгляд вполне соответствовал задаче автора: доказать ничтожность идейного влияния группы «Освобождение труда» на «туземные революционные сферы»².

Группа Плеханова, по мнению Сергиевского, стала принимать марксистский характер лишь со времени составления «Проекта программы русских социал-демократов», который он также ошибочно относил к 1887 г. Первый же проект (1884 г.) в результате развернувшейся в революционных кругах дискуссии потерпел якобы поражение, и группе «Освобождение труда» пришлось... изменить основы своей программы. Эта неверная посылка автора повлекла за собой множество ошибок по всем вопросам, касающимся эволюции взглядов группы. Ее новая программа, полагал Сергиевский, оказалась логичнее варианта 1884 г. Но «важнейшее, наиболее серьезное обстоятельство, которое решительно меняло характер программы», автор усматривал в том, что в ней со всей определенностью выдвигалось на первый план — как непосредственная задача рабочей партии — свержение абсолютизма. Трактую эту постановку вопроса как пересмотр более ранних взглядов группы на этот счет, Сергиевский расценил ее как призыв слабых рабочих социал-демократических кружков «к революционной атаке власти»³.

Очевидно, что Сергиевский не сумел научно решить вопрос о соотношении основных программных документов, выработанных группой «Освобождение труда». Даже после того, как была установлена точная дата составления «Проекта программы русских социал-демократов», он продолжал отстаивать мысль о том, что указанные документы

¹ Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 91.

² См. там же. С. 105.

³ См. там же. С. 113—114.

отражают «крупные этапы в эволюции взглядов» Плеханова и даже «разницу мировоззрений двух его программ»¹. Более того, в первой программе историк склонен был видеть теперь лишь большой уклон к народничеству желябовского толка, а вторую — рассматривал как антинародовольческую и почти марксистскую. Естественно, что он занялся поисками поводов и причин, заставивших Плеханова изменить, а затем и «декларировать» свои новые взгляды².

И то и другое Сергиевский объяснял идейным влиянием на группу «Освобождение труда» группы Благоева. Он утверждал, что проект 1885 г. вовсе не является второй программой группы «Освобождение труда», что он составлялся не от имени этой группы, а как «согласительный проект» двух групп — плехановской и благоевской. Крайнее преувеличение зрелости теоретических достижений «Партии русских социал-демократов» позволяло автору говорить, что именно идейное воздействие последней заставило Плеханова и Аксельрода «головокружительно быстро» начать переработку своей первоначальной программы. И хотя Благоев будто бы во многом уступил напору «группоосвободителей» («генералов от революции»), тем не менее вместо программы социалистического интеллигентского кружка «сразу же и без всяких переходов получилась, несмотря на некоторые свои недостатки и нелогичности, в общем все же программа доподлинно рабочей партии, составленная не хуже многих европейских»³.

Всем этим, по мнению Сергиевского, «Проект программы русских социал-демократов» был обязан группе Благоева, влияние которой якобы определило пересмотр Плехановым вопросов о роли интеллигенции и значении террора «в народовольческом смысле». Он доказывал, что Плеханов, уступив, хотя и далеко не полностью, по этим «одиозным пунктам», сумел, однако, отстоять ряд своих положе-

¹ См.: *Сергиевский Н. Л.* Когда и по какому поводу был написан Плехановым «Проект программы русских социал-демократов» // *Пролетарская революция. 1928. № 1 (72). С. 87.*

² См. там же. С. 86—87.

³ Там же. С. 96. Сергиевский обвинял Плеханова и Аксельрода в том, что они позднее, в период подготовки проекта Программы ко II съезду РСДРП, умышленно «умалчивали и замалчивали первую программу» 1884 г., а когда о ней стало известно, «не хотели объяснить, почему они через год вынуждены были выработать вторую» и почему не публиковали ее вплоть до 1888 г. (см. там же. С. 87). Все эти обвинения не имеют фактического основания и базируются на полном противопоставлении указанных документов, будто бы различных в своей мировоззренческой основе.

ний, находившихся в противоречии с более зрелой теоретической мыслью Благоевцев¹.

Общие итоги изучения теоретической деятельности русских социал-демократов 80-х гг. Н. Л. Сергиевский подвел в своей монографии о группе Благоева². Его взгляд на идеологию и практику последней мы рассмотрим в другом месте. Сейчас же важно установить логику предпринятого им анализа воззрений группы «Освобождение труда» по важнейшим вопросам теории, программы и тактики социал-демократического движения.

Поскольку Сергиевский не признавал плехановскую группу основательницей русской социал-демократии, постольку он фактически снимал и вопрос о ее вкладе в идейную подготовку РСДРП. Весь смысл его работ сводится к тому, чтобы на основе резкого разграничения марксизма заграничного («группоосвободительского», плехановского) и марксизма внутрирусского («туземного») доказать, что именно последний заложил теоретическую и практическую базу русской социал-демократии, что социал-демократизм группы «Освобождение труда» как при своем возникновении, так и позднее был «менее жизненным» по сравнению с «туземной социал-демократией», которая складывалась якобы еще с 70-х гг., что плехановская группа лишь ценой огромных теоретических уступок постепенно, «с боями» подходила к ней³.

Это, так сказать, каркас той схемы Сергиевского, обоснованию которой он подчинил весь довольно широкий круг источников (в том числе архивных), оказавшихся в его распоряжении. Глубокий негативизм по отношению к группе «Освобождение труда» вообще, к Г. В. Плеханову в особенности, составляет основной пафос его исследований, что не могло не отразиться, причем самым пагубным образом, на постановке всех коренных вопросов генезиса марксизма в России.

Именно на эту сторону схемы Сергиевского следует обратить особое внимание: она оказала серьезное влияние на развитие советской историографии социал-демократического движения «утробного периода», несмотря на то что принципиально расходилась с концепцией Ленина. Последняя — ни в целом, ни в деталях — не была учтена

¹ См.: *Сергиевский Н. Л.* Когда и по какому поводу был написан Плехановым «Проект программы русских социал-демократов». С. 100.

² *Сергиевский Н. Л.* Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. М.; Л., 1929.

³ См. там же. С. 79, 115 и др.

Сергиевским, что и предопределило его методологические просчеты в решении вопроса о характере и эволюции идеологии группы «Освобождение труда», ее соотношения с воззрениями «туземных» марксистов.

Но во взглядах Сергиевского на группу «Освобождение труда» и ее главного теоретика была и другая сторона, не получившая в то время признания. Подчеркивая «медленность марксистской эволюции Плеханова», он характеризовал ее как движение по восходящей (в смысле углубления его марксистских взглядов) вплоть до II съезда РСДРП. К сожалению, этот подход, заключавший в себе определенные позитивные возможности, оказался загроможенным ложными представлениями о путях «переоценки ценностей» членами группы. Эти пути историк рассматривал как последовательную сдачу Плехановым своих первоначальных позиций под натиском «туземных» социал-демократов, которые будто бы, одержав над ним ряд идейных «побед», подвинули его к уровню решений II съезда РСДРП по программно-тактическим вопросам¹.

«Туземные марксисты» 80 — начала 90-х гг., по мнению Сергиевского, заставили Плеханова, во-первых, пересмотреть проект 1884 г., а во-вторых, — отказаться от убеждения «в неизбежности союза пролетариата с буржуазией». К концу 90 — началу 900-х гг. оставались лишь споры по крестьянскому вопросу, но и они были ликвидированы на II съезде партии². Ясно, что Сергиевский всю проблему взаимоотношений Плеханова и его группы с другими социал-демократическими объединениями 80 — начала 90-х гг. ставил с ног на голову во имя доказательства своей предвзятой схемы. Следствием этого и явилось полное извращение теоретических взглядов группы «Освобождение труда», ее позиций по самым важным вопросам программы и тактики.

Следует подчеркнуть, что Сергиевский не видел или не хотел видеть решительный разрыв группы «Освобождение труда» со всей системой старых народнических взглядов. Напротив, теперь он особенно настойчиво подчеркивал «кровное родство» ее программно-тактических идей с народничеством, правда, не тихомировского, а желябовского толка. По мнению историка, группа признавала Маркса

¹ См.: Сергиевский Н. Л. Когда и по какому поводу был написан Плехановым «Проект программы русских социал-демократов». С. 98—100; *Его же*: Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 113—114.

² См.: Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 113.

лишь «академически», а практически исповедовала народничество. «Тень Желябова... — писал он, — витала над Плехановым с первых дней творения группы «Освобождение труда»¹. Утверждая, что народничества встретили проект программы 1885 г. более сочувственно, чем «туземные» социал-демократы, автор объяснял этот «факт», почерпнутый из дооктябрьских работ Д. Б. Рязанова, тем, что Плеханов «проповедовал революцию по Желябову», облакая свою проповедь в марксистскую фразеологию. И это будто бы привлекло к нему народничества, поссорив одновременно на полтора десятка лет с социал-демократами в России².

Понятно, что на основе таких посылок невозможно было даже приблизиться к научному решению вопроса о теоретических завоеваниях группы «Освобождение труда»: анализ ее мировоззрения осуществлялся в плоскости противопоставления марксистскому учению. Не обнаружив в ее программных документах основополагающих тезисов, которые, по словам Ленина, «с тех пор получали все новые и новые подтверждения как в развитии социалистической теории, так и в развитии рабочего движения всех стран, — в частности, в развитии русской общественной мысли и русского рабочего движения»³, Сергиевский использовал эти документы (наряду с первыми марксистскими произведениями Плеханова) для доказательства идейных «шатаний» лидера группы «Освобождение труда», с трудом будто бы освобождавшегося от идеологии «марксизированного Желябова» под влиянием «туземных» социал-демократов.

Сергиевский утверждал, в частности, что Плеханов только на протяжении 1883—1885 гг. трижды менял свою точку зрения на «основной вопрос о том, что является преобладающим фактором в революции» — рабочий класс или «социалистическая интеллигенция»⁴. Точно так же Плеханов обвинялся в том, что он делал установку не на социальную, а буржуазную революцию и, вопреки «Манифесту Коммунистической партии», «отграничивал» эти революции друг от друга⁵. Автор, обнаруживая здесь неверное толкование марксистского понятия социальной ре-

¹ Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 112, 62, 111.

² См. там же. С. 111, 113.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 217.

⁴ См.: Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 105.

⁵ См. там же. С. 54, 76, 104.

волюции, ввел в литературу определение «марксист плехановского типа» как эквивалент всех тех, кто забывал сущность рабочего движения, держал курс на буржуазную революцию.

Таким образом, крупная заслуга Плеханова, впервые по-марксистски решившего вопрос о характере предстоящей в России революции, была антиисторично трансформирована в такой «недостаток», который «уличал» группу «Освобождение труда» чуть ли не в апологетике буржуазии и буржуазного развития страны. В этом отношении историк, считавший себя марксистом, почти полностью смыкался со взглядами либеральных народников типа В. П. Воронцова на объективную роль идей группы «Освобождение труда».

В соответствии с этим Сергиевский извращал и отношение Плеханова к вопросу о союзниках рабочего класса в предстоящей революции. Оставляя в стороне взгляды Плеханова на идейную и политическую самостоятельность рабочего класса как важнейшее условие борьбы за социализм, его характеристику общественно-политических позиций русской либеральной буржуазии, он утверждал, будто лидер группы «Освобождение труда» в 1891 г. «прямо кинул призыв к объединению русских революционеров с буржуазией» и лишь поголовное возмущение революционных кругов страны заставило его «бить отбой», начать отступление от идеи союза с буржуазией¹.

В духе чистой импровизации, лишенной всякого конкретно-исторического обоснования, Сергиевский рассматривал и постановку Плехановым аграрно-крестьянского вопроса. Группа «Освобождение труда», полагал он, «выбросила за борт» крестьянство, скинула его со счетов, допустив тем самым «святотатство» по отношению к традициям 70-х гг.² Не имея своей собственной программы по аграрному вопросу, Плеханов будто бы позаимствовал то, что содержится на этот счет в проекте 1885 г. у благоевцев, и лишь в начале 90-х гг. «сделал поворот на девяносто градусов...»³.

Плеханов обвинялся, далее, в народовольческой трактовке роли интеллигенции, в приписывании ей (в проекте 1884 г. и «Наших разногласиях») решающей роли в революции. И в этом вопросе ему пришлось «отступить от своих взглядов лишь под влиянием благоевцев (первоначаль-

¹ См.: *Сергиевский Н. Л.* Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 112—113.

² См. там же. С. 24, 51, 108.

³ См. там же. С. 12—13.

но — в статье «Современные задачи русских рабочих»)»¹. Но и это было лишь формальной перестановкой слагаемых: место «социалистической интеллигенции» заняли рабочие кружки, «место одной конспиративно-нелегальной партии заняла другая лишь по социальному составу, но такая же (заговорщическая.— Р. Ф.) партия, и только; а сам пролетариат, как целое, может пребывать в младенческом состоянии развития и революционной неподвижности»².

На основании этого надуманного заключения Н. Л. Сергиевский в самом нелепом виде изображал тактические идеи группы «Освобождение труда». Страшно преувеличивая «народовольческий уклон» первой программы группы, он сводил ее «практическую программу» к народовольческому «террористическому действию»; роль же рабочего класса она якобы ограничивала только поддержкой террористов в момент их нападения на государственную власть «своим организованным движением, парализующим противодействие уже поколебленного таким аттентатом государственного аппарата»³.

Лишь из проекта программы 1885 г. Плеханов, по мнению Сергиевского, выбросил террор в народовольческом смысле. Из произвольной трактовки «Проекта» автор сделал ошибочный вывод, что теперь группа «Освобождение труда» призвала слабые рабочие кружки «немедленно начать атаку власти», «начать немедленно борьбу, то есть бунтовать рабочий класс». Как видим, Сергиевский повторял здесь те самые обвинения, которые бросали Плеханову «экономисты».

В. И. Ленин, сурово критикуя последних и указывая на непонимание ими действительной тактики плехановской группы, писал: «Откройте программу группы «Освобождение труда»: «Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма,— сказано там,— русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социалистических идей и революционных организаций. Тесно связанные между собой в одно стройное целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти, в удобный момент,

¹ *Сергиевский Н. Л.* Когда и по какому поводу был написан Плехановым «Проект программы русских социал-демократов». С. 98.

² Там же. С. 99.

³ *Сергиевский Н. Л.* Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 61.

к общему, решительному на него нападению». Именно этой тактике и следовали русские организации, основавшие весной 1898 г. «Российскую социал-демократическую рабочую партию»¹.

Трудно допустить, что Сергиевский не знал это бесспорное указание Ленина. Но оно никак не «укладывалось» в его схему. Развивая свою ложную посылку, он утверждал, что Плеханову было безразлично, «на какой ступени сознательности будет народ»: «Его можно поднять против власти агитацией,— было бы только достаточно самих агитаторов,— взбунтовать и повести против Зимнего дворца; одним словом, функция народа в революции лишь быть тараном в руках партии против власти»². Как видим, автор, приписывая Плеханову тактику какого-то убогого бакунистского вспышкопускательства, обвинял его в извращении «значения и роли партии в революции». Важно подчеркнуть: столь тенденциозное «прочтение» документов группы «Освобождение труда» было целиком подчинено ставшему поистине сакраментальным обвинению Плеханова в том, что он, приурочивая свою тактику к одной только ближайшей цели (свержению самодержавия), преследовал интересы либеральной буржуазии, а все суждения его о значении общедемократических свобод для рабочих — «лишь приманка, может быть, и бессознательная»³.

Таким образом, Сергиевский, настойчиво проводя предвзятую идею о более высоком теоретическом уровне «туземных» социал-демократов по сравнению с «заграничным» социал-демократизмом группы «Освобождение труда», внес в трактовку идеологии последней целый ряд таких элементов, которые оформляли и укрепляли нигилистическую струю в развитии историографии первой марксистской организации.

Для решения проблемы теоретического основания русской социал-демократии изыскания Сергиевского дали очень мало, и иначе не могло быть, учитывая его точку зрения на общий характер эволюции мировоззрения группы «Освобождение труда». Эта своеобразная точка зрения, утверждавшая медленную, но неуклонную (вплоть до 1903 г.) эволюцию группы к подлинному («ортодоксальному») марксизму, сама по себе исключала поиски «корней

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 255.

² Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 101—102, а также см. С. 105, 109.

³ См. там же. С. 103, 109.

оппортунизма» в ее идеологии. Но постоянный акцент историка на «шатаниях» Плеханова в решении важнейших вопросов программы и тактики в течение 80—90-х гг. открывал широкие возможности для той историографической тенденции, которая имела своим итогом полное «развенчание» «плехановского марксизма». Да и сам Сергиевский в конце концов счел возможным отказать группе «Освобождение труда» в «марксистском социал-демократизме»¹.

С особой наглядностью указанная тенденция проявилась в статье В. Рахметова². Поставив перед собой задачу «выяснить корни меньшевизма в теоретической работе группы «Освобождение труда» 80—90-х гг., автор взял под сомнение цельный марксистский характер ее мировоззрения вообще. Его исходная позиция сводилась к тому, что идеология группы носила «переходный характер», ибо была «смесью мелкобуржуазного социализма с марксизмом». Для обоснования этой позиции Рахметов бездоказательно ссылаясь на то, что целый ряд положений, развивавшихся Плехановым и Аксельродом в первом или даже во втором десятилетии XX в., своими корнями упирается в народническое мировоззрение, что пережитки народничества и лассальянства, которые будто бы господствовали в мировоззрении указанных деятелей в начале 80-х гг., сохранили «громадное влияние» и в 90-х гг., и даже в XX в. Эти пережитки, по мнению автора, «превратились в уклоны от революционного марксизма на сторону мелкобуржуазного социализма, т. е. оппортунизма»³.

Эта надуманная схема привела автора к безысходным противоречиям. С одной стороны, автор признает «громадное значение» плехановской группы в истории партии, видит основное содержание ее деятельности в борьбе за гегемонию пролетариата в революции («правда, в своеобразном, далеком от ленинского, понимании этой гегемонии»), в борьбе за революционный марксизм и научную разработку проблем русской жизни с точки зрения революционного марксизма; отмечает, что «нами воспринято многое и очень многое» из ее идейного наследства, что многие ее идеи «вошли в идейный арсенал большевизма», что «в беспощадной борьбе с народническими теориями...

¹ См.: Красная летопись. 1930. № 2 (35). С. 258.

² Рахметов В. К вопросу о меньшевистских тенденциях в группе «Освобождение труда» // Пролетарская революция. 1928. № 9 (80).

³ Там же. С. 27—28.

Аксельрод и Плеханов заложили основы социал-демократической рабочей партии в России»¹. С другой стороны, следует общий вывод: в работах группы «Освобождение труда» в 80—90-х гг. «заложены основы оппортунизма будущих меньшевиков», «зачатки меньшевизма в ее программных, тактических и организационных взглядах»².

Надо было обладать полной методологической неподготовленностью или, лучше сказать, неразборчивостью, чтобы не видеть кричащего противоречия между утверждением о том, что группа «Освобождение труда» заложила основы РСДРП, и положением о ее теоретической платформе как «смеси мелкобуржуазного социализма с марксизмом»; между гипертрофированным представлением о пережитках народничества во взглядах Плеханова и Аксельрода и положением о том, что Плеханов был «виднейшим и ортодоксальнейшим (после Ленина) защитником теории революционного марксизма», что на «теоретическом наследстве» его группы «воспитывались в значительной мере деятели питерского «Союза борьбы» во главе с Лениным...»³ и т. д.

Необходимо поближе присмотреться к характеру аргументации, с помощью которой Рахметов освещает те «отклонения» членов группы «Освобождение труда» от революционного марксизма, которые, по его мнению, «позднее оформились в меньшевизм». Дело в том, что инкриминируемые членам группы «отклонения» и способы выявления их в творчестве Плеханова, Аксельрода и Засулич именно с этого времени стали активно внедряться в литературу, стали традиционным орудием, с помощью которого получали квазинаучное обоснование самые невероятные положения и даже концептуальные построения.

Основное внимание В. Рахметов сосредоточил на критике уклонов Аксельрода, поскольку именно он, по мнению автора, «наиболее полно воплотил в своих работах 80 — начала 90-х гг. традиции меньшевизма». Элементы последнего он находит даже в его работах... народного периода⁴. Связав совершенно немислимым образом «старое бакунистское представление» Аксельрода о социал-демократии как парламентской партии (а в глазах бакуниста это было выражением полного неприятия

¹ См.: Рахметов В. К вопросу о меньшевистских тенденциях в группе «Освобождение труда». С. 26—29.

² См. там же. С. 55—56.

³ Там же. С. 26—27.

⁴ См. там же. С. 28.

и даже презрения к ней), Рахметов обвинил его не только в преклонении перед германским рабочим движением, но и в том, что в статьях 1888—1892 гг. он якобы «четко и ясно формулировал свой будущий меньшевизм» — подчинение всей тактики социал-демократии ее демократическим задачам и «отказ от выдержанной социалистической линии ради парламентской демократической работы»¹. Уже в то время Аксельрод усвоил будто бы дух германской социал-демократии и стал «одним из его самых видных идеологов, виднейшим проводником влияния западноевропейского оппортунизма на русской почве».

Чтобы «уличить» Аксельрода периода 80—90-х гг. в меньшевизме, Рахметов обратился к его работе «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» (1897). Характеризуя изложенную в ней «другую перспективу» для российского рабочего движения, наиболее благоприятную, с точки зрения Аксельрода, автор увидел в ней центральное звено всей меньшевистской схемы, отказ «от самостоятельной и последовательно-революционной... пролетарской тактики», ограничение ее рамками требований либеральной буржуазии. Это позволило Рахметову не без торжества объявить о том, что взгляды членов группы «Освобождение труда» были диаметрально противоположны взглядам Ленина². Между тем именно Ленин, процитировав в своем «Протесте российских социал-демократов» обе «перспективы», сформулированные Аксельродом, подчеркнул: «Русские социал-демократы должны приложить все усилия к тому, чтобы осуществилась другая перспектива, излагаемая П. Б. Аксельродом...»³ При этом Ленин отметил, что тогда громадное большинство социал-демократов в России стояло на точке зрения Аксельрода, которого автор «Протеста» здесь же назвал одним из «передовых борцов русской социал-демократии...»⁴.

Исследовательские приемы Рахметова наглядно характеризует его обвинение Аксельрода в том, что он тогда же развизвал тактику, которая выявляла «меньшевистское понимание роли буржуазии в революции», сводилась к отказу от «классовой борьбы пролетариата с буржуазией ради сохранения единого фронта в борьбе с царизмом»,

¹ См.: Рахметов В. К вопросу о меньшевистских тенденциях в группе «Освобождение труда». С. 29—30.

² См. там же. С. 45—46.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 173.

⁴ Там же. С. 173—174.

что было характерно для меньшевизма на всех этапах его развития¹. Автору, надо полагать, была известна статья Ленина «Попятное направление в русской социал-демократии», написанная в конце 1899 г. и впервые напечатанная в 1924 г. в журнале «Пролетарская революция». В этой статье (как, впрочем, и в других статьях, написанных до середины 1903 г.) Ленин ни словом не обмолвился об оппортунистических «уклонах» Аксельрода. Напротив, он солидаризировался с ним в оценке буржуазно-либеральной оппозиции, ее действительной роли в общественной борьбе. Подчеркивая мысль о том, что «либералы никогда не играли и никак не могут теперь играть самостоятельной революционной роли», Ленин писал: «Либералы же вообще могут и должны служить лишь одним из источников добавочных сил и средств для революционной рабочей партии (как это и сказал П. Б. Аксельрод с полной ясностью в названной выше брошюре *)»².

Эта «полная ясность» оказалась недоступной Рахметову. «Оппортунизм» Аксельрода он распространял на Плеханова и Засулич, находил его отражение в проекте программы группы «Освобождение труда» в виде «лассальянских пережитков». Плеханову он приписывал оппортунистическое, лассальянское толкование вопроса о завоевании пролетариатом политической власти, его диктатуре, совершенно неосновательно ссылаясь на брошюру «Социализм и политическая борьба»³. Вся аргументация Рахметова неизменно сводилась к цитированию выхваченных из контекста публицистических работ и писем деятелей группы «Освобождение труда» отдельных высказываний, которые и создавали формальную видимость «документированности» его предвзятых суждений.

В. Рахметов признавал, что Плеханов был «самым ярким и последовательно-революционным (после Ленина) борцом против международного ревизионизма и реформизма, защитником революционного марксизма в конце 90-х и начале 900-х гг.»⁴. Это его утверждение кажется странным, если учесть, что автор постоянно подчеркивал

¹ См.: Рахметов В. К вопросу о меньшевистских тенденциях в группе «Освобождение труда». С. 38, 44.

* Имеется в виду предисловие П. Б. Аксельрода к брошюре В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов».

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 258—259.

³ См.: Рахметов В. К вопросу о меньшевистских тенденциях в группе «Освобождение труда». С. 33—34.

⁴ Там же.

наличие «оппортунистических уклонов» у всех членов группы «Освобождение труда». Ведь в указанном качестве Плеханов мог выступать лишь с позиций целостного революционного марксизма. И тогда, чтобы как-то снять очевидное противоречие, Рахметов делал «ход конем»: оказывается, только Аксельрод и Засулич приходили к ревизионистским выводам; Плеханов же встречал их резкими возражениями. Но этот ход не спасал автора от противоречий: они были заложены в антиисторизме его исследовательского метода.

Говоря о брошюре Плеханова «Всероссийское разорение», Рахметов справедливо отметил, что некоторые работавшие в России социал-демократы увидели в ней отказ от самостоятельной пролетарской классовой линии и даже переход на позиции буржуазного либерализма. Столь же справедливо в статье указывается, что Плеханов категорически возражал против такого истолкования его брошюры и, разъясняя свои мысли, дал, по словам Рахметова, «блестящую формулировку правильного революционного отношения социал-демократической партии к либералам». И тем не менее автор, следуя своей схеме, утверждал, что «настроение и позиция» всей группы «Освобождение труда» были именно такими, какими они представлялись социал-демократам в России¹.

В. Рахметов, видимо, смутно сознавал, что подобная постановка вопроса не согласуется с плехановской оценкой либерализма и возводит барьер на пути правильной оценки более поздней позиции группы «Освобождение труда» в этом вопросе. Поэтому, подводя итоги, он поспешил огорвориться, что «меньшевизм» группы «Освобождение труда» не исчерпывает всей ее деятельности, «даже не составляет главного ее содержания». «Зачатки меньшевизма» в программных, тактических и организационных взглядах группы — это, по мысли Рахметова, ее «пассив», над которым превалировали ее «гигантские активы» — борьба с народничеством, легальным марксизмом и «экономизмом», издание совместно с Лениным «Искры»².

С позиций, которые, по сути дела, отнимали у группы «Освобождение труда» заслугу основания русской социал-демократии, выступал в то время Ф. Быстрых, сосредоточивший свое внимание на ее аграрной программе. Методологический подход автора к этой теме всецело определялся его категорическим заключением, что «в аграрном вопросе

¹ См.: Рахметов В. К вопросу о меньшевистских тенденциях в группе «Освобождение труда». С. 47.

² См. там же. С. 55—56.

группа является родоначальницей меньшевизма»¹. Полагая, что этим подходом он не умаляет «других заслуг группы перед рабочим движением» (идея самостоятельной рабочей партии, борьба за политическую свободу как средство дальнейшей борьбы за социализм и разработка материалистического понимания истории), Быстрых развернул «концепцию», которая отбрасывала пионеров марксизма в России на позиции буржуазного либерализма. При этом он открыто оспорил ту оценку постановки аграрного вопроса в программе группы, которую давал В. И. Ленин.

Отлично сознавая, что из ленинского анализа программных документов плехановской группы со всей определенностью вытекает вывод о правильной в теоретическом отношении постановке в них исходной позиции социал-демократии по аграрному вопросу, Быстрых не только уклонился от рассмотрения взглядов Ленина, но и постарался дезавуировать их. Предвидя возражение, что группа «Освобождение труда», «требуя радикального пересмотра (дела крестьянской реформы.— Р. Ф.), сразу заняла позицию аграрной революции, но лишь вследствие особых исторических условий не могла конкретизировать свою программу», автор сделал сноску: «У Ленина эта мысль встречается в «Пересмотре аграрной программы рабочей партии» и в «Аграрной программе социал-демократии в русской революции 1905—1907 гг.». В последней он говорит: «...надо особенно подчеркнуть, что в этой программе (Группы.— Ф. Б.) за двадцать лет до русской революции признана неизбежность «радикального пересмотра» дела крестьянской реформы»². И это — все, что автор счел необходимым отметить из ценнейших в методологическом отношении ленинских оценок аграрной программы группы «Освобождение труда». «Загнав» мысль Ленина, акцентирующую внимание на центральном пункте этой программы, в подстрочник, Ф. Быстрых тут же заявил, что плехановская идея «радикального пересмотра» — «только абстрактная» «огромная фраза», находящаяся в полном несоответствии с ее практическими предложениями, не заключающими в себе никакого «радикализма»³.

¹ Быстрых Ф. Об аграрной программе группы «Освобождение труда» // Пролетарская революция. 1929. № 5 (88). С. 62. См. также С. 90. Там же. С. 70—71.

² См. там же. Ср.: Быстрых Ф. Развитие взглядов Ленина по аграрному вопросу // Пролетарская революция. 1928. № 1 (72). С. 3.

Цель, которую ставил перед собой Быстрых, обязывала его к явному искажению взглядов Плеханова на крестьянство («контрреволюционная сила») и крайне односторонней и категоричной трактовке его отношения к проблеме союзников рабочего класса в буржуазно-демократической революции¹. При этом, противопоставляя взгляды Плеханова взглядам Ленина, он неизбежно извращал и позиции вождя большевистской партии, поскольку оказался не в состоянии усвоить методологические принципы его подхода к оценке программных достижений группы «Освобождение труда».

В силу этого итоговые взгляды Ф. Быстрых приобрели характер вопиющего антиисторизма. Он первым открыто сформулировал мысль о том, что аграрная программа группы «Освобождение труда» «приноровлена не к требованиям и интересам крестьянства, а к требованиям и интересам либерального общества и является программой не аграрной революции, а либеральной реформы»². Объяснив конкретные требования, выдвинутые в этой программе, выражением реформы (прусского пути), а не революции (американского пути), автор не остановился перед тем, чтобы довести эту ложную мысль до логического конца — поставить знак тождества между позицией Плеханова и... либеральных помещиков. К чести редакции журнала «Пролетарская революция», напечатавшего статью Быстрых в порядке обсуждения, надо отнести тот факт, что она отмежевывалась от указанного отождествления³.

Следуя логике бездоказательного мифотворчества, Быстрых утверждал, что группа «Освобождение труда» вообще «обходила» вопрос о революционной роли крестьянства, так как у нее будто бы «не было правильного анализа классовых отношений в России». «Вероятно,— заключал он,— в вопросе о крестьянстве сказалась и реакция на увлечение народников «социалистической» самобытностью русского крестьянина или сказалась, как выразился М. Н. Покровский, «реакция на народническую революцию»⁴.

В этой связи напомним, что В. И. Ленин, называя не-

¹ См.: Быстрых Ф. Развитие взглядов Ленина по аграрному вопросу. С. 4, 8.

² Быстрых Ф. Об аграрной программе группы «Освобождение труда». С. 70.

³ См. там же. С. 61.

⁴ Там же. С. 77.

веждами тех, кто говорил об игнорировании русскими марксистами крестьянского вопроса, подчеркивал, что все главные произведения последних, «начиная с Плехановских «Наших разногласий» (вышедших свыше двадцати лет тому назад), главным образом и посвящены были разъяснению ошибочности народнических взглядов на русский крестьянский вопрос»¹. Ф. Быстрых не интересовало, что нового внесла группа «Освобождение труда» в постановку аграрно-крестьянского вопроса по сравнению со своими предшественниками; своими антиисторическими выкладками он стремился убедить читателей в том, что Плеханов и члены его группы не сумели в решении аграрного вопроса удержаться даже на уровне народовольческой мысли.

Доказывая недоказуемое, упорно проводя идею, что группа «Освобождение труда» в своей последующей литературной деятельности не выдвигала никаких «иных» конкретных требований, кроме данных ею в программе², Быстрых путем искажения политических позиций Плеханова-марксиста подводил читателя к выводу, который стоял уже за пределами науки: «его мировоззрение не мирилось с революционной аграрной программой»³. Что же, собственно, представляло собой это мировоззрение? Автор отвечает на этот вопрос, характеризуя идейный смысл разногласий между Лениным и Плехановым в период «Искры». С его точки зрения, в этих разногласиях «сказалась борьба политических линий (ленинская — большевистская и плехановско-аксельродовская — меньшевистская), которые наметились в аграрно-крестьянском вопросе задолго еще до организации «Искры»⁴.

С целью низведения революционного социал-демократизма группы «Освобождение труда» до уровня жалкого оппортунизма Быстрых сделал и одно «оригинальное» открытие: он объявил преемниками ее политической линии в аграрно-крестьянском вопросе... экономистов (Мартынова и др.), которых Плеханов, как известно, третировал как людей, «не усвоивших себе *даже азбуки современного социализма*», а само их направление — как позор русской социал-демократии⁵.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 42.

² Быстрых Ф. Об аграрной программе группы «Освобождение труда». С. 71.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Плеханов Г. В. Соч. Т. 12. С. 41.

Естественно, что, с точки зрения Быстрых, Плеханов был весьма далек от научного коммунизма: он «столько же ученик Маркса, сколько и Лассалья». Развивая идею Рахметова о переходном характере группы Плеханова, он писал: «Члены группы многое взяли из народнического революционного наследства, но кое-что ошибочно откинули (в частности, не приняли требования национализации земли), кое от чего либерально-народнического они сами не могли отрешиться, хотя оно с марксизмом и не гармонировало»¹. Как видим, мысль о переходном характере идеологии группы «Освобождение труда», подкрепляемая тенденциозным анализом ее программы, завела Ф. Быстрых в безысходный тупик. Н. Л. Сергиевский, а затем В. Рахметов и Ф. Быстрых заложили ту линию в трактовке мировоззрения группы «Освобождение труда», которая находилась в полном противоречии со взглядами Ленина. Тем не менее нигилистическое отношение ко всей теоретической деятельности первых русских марксистов постепенно приобрело характер устойчивого историографического стереотипа.

Это нашло отражение в ходе уже знакомой нам дискуссии в связи с 50-летием «Народной воли», когда прямолинейное противопоставление взглядов Ленина и Плеханова на революционно-демократическое «наследство» 60—70-х гг. высветило наиболее характерные тенденции в самом подходе к определению характера и уровня идеологии группы «Освобождение труда». Поскольку проблема предшественников революционной социал-демократии трансформировалась, как мы уже отмечали, в вопрос об идейных источниках учения В. И. Ленина, в вопрос об идейной связи революционного народничества с теоретическим и практическим опытом большевизма, постольку группа «Освобождение труда» оказалась, как это ни странно на первый взгляд, за пределами концептуальных построений как сторонников Теодоровича, так и его противников. Г. В. Плеханов стал объектом резкой критики с обеих сторон, и обе стороны дружно (за исключением немногих историков) ополчились на ту историографическую линию, которую в наиболее аргументированном виде отстаивал В. И. Невский.

И. А. Теодорович и его сторонники, перебрасывая мост между народничеством и большевизмом, вообще исключают

¹ Быстрых Ф. Об аграрной программе группы «Освобождение труда». С. 77.

ли из своих логических комбинаций Плеханова и его соратников, рассматривали их лишь как оппортунистических извратителей марксизма. Итоговая мысль суждений Теодоровича на этот счет сводилась к тому, что «богатейшее, первоклассной ценности, идейное наследие» «Народной воли» по целому ряду вопросов оказалось «неизмеримо выше и ценнее идейного наследия группы «Освобождение труда»¹. Теодорович, правда, признавал, что сила первых русских марксистов, давшая им победу над народолюбцами, состояла в заявленном ими протесте по поводу пессимистической дилеммы, выдвинутой «Народной волей»: «теперь или никогда». Он признавал даже, что русские марксисты во главе с Плехановым вскрыли действительные ошибки «Народной воли», но утверждал: «...они незаметно в полемике с ней подошли к самой настоящей ревизии подлинных взглядов Маркса»².

И. А. Теодорович низвел деятелей группы «Освобождение труда» до уровня «оппортунистов-марксистов» при помощи бездоказательного обвинения их в переоценке сложившейся в конце XIX в. «благоприятной капиталистической конъюнктуры», которая на деле оказалась кратковременной, но успела «пленить оппортунистическую мысль в качестве будто бы прочной и продолжительной». Отсюда, по мысли автора, следовали грубые ошибки Плеханова в полемике с народолюбцами и «извращение взглядов Маркса».

Переноса на раннюю русскую марксистскую мысль «философию революции» позднейшего, вполне оформившегося меньшевизма, Теодорович писал: «...оппортунисты-марксисты впадали... в очень шаблонную крайность, считая приближающуюся революцию типично буржуазной, которую сделает, правда, рабочий класс, но, во-первых, «чистый», а во-вторых, только, так сказать, физически, как пушечное мясо, а программа-то будет осуществлена либерально-буржуазная»³. Автор, порывая с историзмом, обвинил «антагонистов» народолюбчества даже в непонимании того, что было «провозглашено» Лениным лишь в 1918 г.: «...стало очевидным, что есть здоровое, жизнеспособное, великое социалистическое зерно в учении тех, кто хотел крестьянство, в его трудовой части, присое-

¹ См.: Теодорович Ив. Историческое значение партии «Народная воля». С. 46.

² Там же. С. 31, 34—35.

³ Там же. С. 34.

динить к великому социалистическому движению рабочих всего мира»¹.

Теодорович, во-первых, не понял, что для этого ленинского вывода потребовался гигантский исторический опыт трех российских революций, и, во-вторых, он полностью игнорировал ленинские оценки группы «Освобождение труда». А это открывало широчайший простор для безответственных модернистских увлечений. Так, С. И. Мицкевич, развивая свои прежние взгляды на соотношение народолюбчества и большевизма и правомерно оспаривая попытки найти истоки последнего в «Черном переделе», тем не менее утверждал, что «чернопредельчество было для своего времени меньшевистским течением сравнительно с народничеством». Этим «открытием» он подкреплял нигилистическую позицию Теодоровича в отношении группы «Освобождение труда». «...Плеханов,— заключал Мицкевич,— произошел от чернопредельцев, а Ленин произошел от народолюбцев»². Развивая эти мысли в ходе дискуссии, А. Рындин довел их до полного абсурда: он утверждал, что Плеханов, занимаясь критикой «Народной воли», «целиком и полностью стоял на меньшевистских позициях». «Именно меньшевизмом, а не марксизмом,— подчеркивал он,— обуславливается та ожесточенная полемика, которую вел Плеханов против «Народной воли»³.

Следует подчеркнуть, что граничащая с невежеством тенденциозность подобных суждений в ходе дискуссии 1929—1931 гг. не получила должного отпора со стороны историков, выступавших против модернизаторских увлечений Теодоровича и его сторонников. Напротив, сосредоточив огонь своей критики на попытках последних вывести идеи большевизма из идейного арсенала «Народной воли», многие участники дискуссии в свой черед стирали грани, отделяющие Плеханова-марксиста от Плеханова-меньшевика, исходя из утвердившегося в литературе постулата об «антикрестьянском» содержании его марксизма. Так, И. Л. Татаров, признавая, что группа «Освобождение труда» впервые теоретически разрешила поставленный рабочими организациями 70-х гг. вопрос о соотношении социализма и политической борьбы, утверждал, что Плеханов с самого начала совершал свойственную всем

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 263.

² Дискуссия о «Народной воле». С. 86.

³ Там же. С. 86—87.

меньшевикам ошибку: непонимание революционно-демократического движения крестьянства¹.

Об этом говорили и другие участники дискуссии, а Е. М. Ярославский без обиняков заявлял, что «как из плехановских рассуждений о народничестве, так и троцкистских положений» «целиком и полностью» вытекали меньшевистские теории². Основанием для столь безответственного заключения послужил не конкретный анализ взглядов Плеханова на народничество, в котором он умел выделять ценное демократическое ядро³, а перенесение на его марксистский период (без всяких оговорок!) идей, изложенных в известном меньшевистском многотомнике, ренегатскую суть которых блестяще вскрыл В. И. Ленин⁴.

Не случайно, что в своем выступлении на дискуссии Ярославский занял по отношению к построениям Теодоровича позицию своеобразного компромисса, обнаружившего шаткость собственных методологических позиций: «Мы, конечно, все учились... у Плеханова теории социализма, мы учились у него марксистской теории и учились правильно понимать народничество; но мы должны были впоследствии убедиться, что Плеханов оставил нам не одно только ценное, но что вместе с ценным он пытался привить нам меньшевистские предрассудки против совершенно правильных положений народовольчества, революционного народничества»⁵. Поскольку Ярославский имел в виду именно «плехановский предрассудок против народничества (вернее, против крестьянства как возможного союзника пролетариата)», постольку он всю проблему опрокидывал с ног на голову: ведь народники (в том числе и народовольцы) главную силу социалистической революции видели не в рабочих, которых они даже и не выделяли из понятия «рабочий народ», а в крестьянстве. Ценнейшие завоевания ранней русской марксистской мысли, связанные с подлинно научным опровержением коренных народнических постулатов, оказывались... «меньшевистскими предрассудками!»

Е. М. Ярославский в данном случае как бы подводил теоретическую базу под антинаучное противопоставление плехановской и ленинской критики народничества, как источнике двух направлений в последующем развитии

¹ См.: Дискуссия о «Народной воле». С. 52.

² См. там же. С. 122.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 121.

⁴ См. там же. Т. 19. С. 292; Т. 47. С. 229.

⁵ Дискуссия о «Народной воле». С. 122—123.

социал-демократии — революционного и оппортунистического. Эта тенденция, нашедшая отражение даже в архитектонике первого тома вышедшей в 1926 г. под его общей редакцией «Истории ВКП(б)», дала некоторым участникам дискуссии основную линию, по которой они шли в своей критике Плеханова-марксиста. На концепцию указанного учебника ссылался, например, П. Горин. Правильно отметив, что «ленинская оценка народничества не всегда тождественна с оценкой Плеханова», он настаивал — совершенно бездоказательно — на «зародышах меньшевизма» в оценках последнего¹.

С прямолинейными поисками истоков меньшевизма во взглядах «раннего» Плеханова связано стремление участников дискуссии доказать, что он не сумел увидеть в народнической теории ничего, кроме ее облачения — отсталого, мелкобуржуазного социализма. Поскольку идейный руководитель группы «Освобождение труда» отбрасывал эту теорию именно как сплошь реакционную, постольку он не мог оценить и крестьянство иначе, как реакционную силу, массовую опору царского деспотизма. Отсюда следовал вывод, что истоки меньшевизма лежат в теоретическом творчестве Плеханова 80 — начала 90-х гг. Характерно, что эта простенькая, подбитая антиисторизмом схема принималась даже теми, кто знал, несомненно, работы Плеханова и охотно цитировал мысль Ленина о марксистской литературе 80-х гг., содержащей систематически проведенное стремление выделять из шелухи народнических утопий «ценное демократическое ядро».

Несколько более осторожную позицию занимал В. Ф. Малаховский, хотя и он считал, что Плеханов «не сумел вскрыть настоящей социальной сущности» народничества. Ценным в его выступлениях было то, что он рассматривал мировоззрение Плеханова как определенный этап развития марксизма в России. По мнению исследователя, его труды сыграли огромную роль, ибо принадлежали «к лучшим образцам марксизма той эпохи» и оказали большое влияние на последующую марксистскую литературу. «С появлением Ленина,— говорил Малаховский,— этот этап в развитии марксизма был превзойден. Ленин не остановился на этом, а пошел дальше и создал марксизм эпохи империализма и пролетарских революций. Поэтому было бы неправильно нам, стоящим на плечах

¹ См.: Дискуссия о «Народной воле». С. 115—116.

Ленина, ограничиваться Плехановым. Но, с другой стороны, мы должны понимать, что все учение Ленина базировалось и вытекало из предшествующего ему этапа, и поэтому мы не имеем никакого основания относиться к нему отрицательно. Вот почему я не согласен с товарищами, которые наплевательски относятся к взглядам Плеханова того времени»¹. Хотя в этой не слишком удачно сформулированной мысли отсутствовала ссылка на теорию Маркса как фундамент ленинизма, она все-таки указывала на необходимость научного подхода к вопросу о роли Плеханова и его группы в теоретическом основании российской революционной социал-демократии. Малаховский хорошо понимал, что вопрос соотношения революционного социал-демократизма доленинского периода с большевизмом становился камнем преткновения на пути дальнейшего изучения всей проблематики генезиса РСДРП.

Следует сказать, что Малаховский ближе других участников дискуссии подошел к правильному решению вопроса о соотношении взглядов Плеханова-марксиста с меньшевизмом. Связывая вслед за Е. М. Ярославским эволюцию марксизма в России с двумя будто бы противоположными постановками вопроса о народничестве (ленинской и плехановской), Малаховский все же взглянул на проблему более исторично. «Впоследствии чистокровным меньшевиком, — говорил он, — удалось оседлать Плеханова, выхолостить и исказить его произведение настолько, что получилась особенная меньшевистская концепция народничества, весьма близкая к либеральной трактовке. Да и взгляды самого Плеханова в дальнейшем, когда он стал меньшевиком, подверглись значительному изменению по сравнению с 80—90-ми годами»².

Но трезвые голоса в защиту исторического подхода к оценке идейно-теоретических достижений группы «Освобождение труда» с конца 20-х гг. стали тонуть в нарастающем потоке антинаучного противопоставления революционного социал-демократизма 80 — начала 90-х гг. и большевизма, Г. В. Плеханова «классической поры», как выражался Покровский, и В. И. Ленина. В итоге разработка вопроса, занимающего центральное место во всей проблематике «утробного периода» истории российской социал-демократии, оказалась — даже при наличии некоторых достижений — наименее результативной и наименее

¹ Дискуссия о «Народной воле». С. 61.

² Там же. С. 63.

плодотворной с точки зрения перспектив дальнейших научных поисков.

Это стоит в прямой связи с характером и особенностями идейно-политической борьбы, которая велась по всей линии обществоведческого фронта на протяжении всего изучаемого периода. Бурные столкновения мнений по различным проблемам философии, социологии, политической экономии, литературоведения, эстетики неизменно выносили на поверхность и делали необычайно острым вопрос об отношении к плехановскому теоретическому наследию. Беспрецедентный разрыв в оценке его различных сторон не исключал ярко выраженной поляризации борющихся сил. В противовес попыткам «канонизировать» всего Плеханова, возвести его теоретическую мысль на уровень высшего достижения марксистской науки, основного источника большевизма, многие обществоведы, как отмечал в 1928 г. И. П. Разумовский, заняли «в этом отношении прямо противоположную позицию», смысл которой сводился к «пренебрежительному изобличению грехов и недостатков философской и исторической концепции»¹ пионера научного социализма в России.

Ясно, что при таком подходе теоретическое обоснование политической программы российской социал-демократии, осуществленное Плехановым в 80 — начале 90-х гг., не могло получить исследовательской разработки и, следовательно, подлинно научной оценки. Чтобы свести роль Плеханова в этом отношении к нулю, оставалось лишь «изъять» из его актива то, на что не посягал даже Рахметов, — историческое значение его борьбы с идеологией народничества. И надо сказать, что в душной атмосфере, созданной вторжением в науку грубейших форм администрирования и диктата, нашлись «исследователи», сосредоточившие весь свой критический пыл на выявлении «ошибок» Плеханова в его борьбе с народничеством. Так, С. Выгодский, выдвинув задачу «противопоставить плехановской критике народничества» ленинскую, пришел к полному искажению позиций не только Плеханова, но и Ленина. Бросая тень на плехановский анализ народничества («недостаточная», «односторонняя», «недиалектическая»), автор сделал абсурдное заключение, будто Плеханов боролся по существу лишь с «фразеологией народничества»². Полностью отождествляя взгляды

¹ Под знаменем марксизма. 1928. № 12. С. 27.

² См.: Выгодский С. Плеханов и Ленин как критики народничества // На аграрном фронте. 1931. № 3. С. 86.

Плеханова-марксиста с позицией меньшевиков периода столыпинской реакции, Выгодский писал: «...в отличие от Плеханова, Ленин не отвергает революционного народничества, а исправляет его»¹.

Все это стоит в одном ряду с такими постановками проблемы, которые невозможно расценить иначе как историкографические курьезы (отрицание марксистского характера группы «Освобождение труда», низведение ее идеологии до уровня донародовольческой общественной мысли, сближение ее позиции по крестьянскому вопросу со взглядами либеральных помещиков, выведение «источников меньшевизма» из... народнических статей Плеханова и т. д.). Эти курьезы нельзя игнорировать: постепенно накапливаясь, они имеют свойство обрастать ложной аргументацией и в итоге «конденсироваться» в устойчивые антинаучные стереотипы. Таким стереотипом, надолго утвердившимся в историко-партийной литературе, явилось представление о группе «Освобождение труда» как родоначальнице меньшевизма.

Наиболее полное «обоснование» эта точка зрения нашла в упомянутой выше книге С. И. Черномордика, который попытался эклектически соединить методологически несовместимые подходы к анализу теоретической деятельности группы «Освобождение труда», Г. В. Плеханова.

На первый взгляд свои суждения об этой деятельности Черномордик базировал на ленинской оценке ее главной исторической заслуги — первом систематическом изложении социал-демократических взглядов в применении к России. Анализ марксистских работ Плеханова, проведенный сквозь призму этой оценки, привел автора к выводу о том, что они, будучи «историческим памятником начальной эпохи русского революционного марксизма», нанесли сокрушительный удар народническому утопическому социализму и, как прожектором, осветили путь социалистическому движению в России учением научного социализма. Особо было подчеркнуто в качестве неотъемлемой заслуги «основоположников русского революционного марксизма» то, что они положили «начало тому впоследствии мощному социал-демократическому движению, которое уже в эпоху ленинизма стало революционным авангардом рабочего класса»². Более того, заявлялось,

¹ Выгодский С. Плеханов и Ленин как критики народничества. С. 86.

² Черномордик С. И. (П. Ларионов). Группа «Освобождение труда». С. 63.

что задачи, которые выдвигала при своем возникновении группа «Освобождение труда» перед русской социал-демократией, «всцело совпадали с теми задачами, которые Маркс и Энгельс ставили перед международным рабочим движением»¹. В полном согласии со взглядами В. И. Ленина автор писал, что деятели группы, применив общие марксистские принципы к русской действительности того времени, выяснили задачи и перспективы русской революции².

Логика исследования обязывала автора конкретно-исторически проанализировать именно эту сторону теоретической деятельности группы «Освобождение труда». Но как раз этот анализ (в том виде, какой мы находим в книге) оказался в глубоком противоречии с концепцией Ленина. Едва наметив на ее основе линию плодотворной разработки вопроса, Черномордик безнадежно запутал его произвольно сконструированной схемой, суть которой сводилась к тому, что группа «Освобождение труда» с самого начала оказалась зараженной «детскими болезнями» оппортунизма, оказавшимися неизлечимыми: они перешли в зрелый возраст русской социал-демократии в качестве теоретической основы меньшевизма³.

Поставленная Черномордиком цель — «отыскать корни меньшевизма в политических воззрениях деятелей группы «Освобождение труда»⁴ — в данном случае вполне оправдывала его «исследовательские» приемы: с помощью экстраполяции меньшевистско-ликвидаторских позиций на политические воззрения Плеханова-марксиста, различных умозрительных построений и умолчаний, заведомо превратной интерпретации цитат из плехановских работ автор с успехом превратил идеологию группы «Освобождение труда» в законченное выражение социал-реформистского направления в русской социал-демократии.

Более того: подгоняя идеологию группы «Освобождение труда» под сталинскую оценку германской социал-демократии, Черномордик утверждал, что Плеханов уже в своих первых марксистских произведениях и программных документах попал под ее влияние. В дальнейшем это влияние стало определяющим, и деятели группы «Освобождение труда», восприняв оппортунистические тенден-

¹ Черномордик С. И. (П. Ларионов). Группа «Освобождение труда». С. 81.

² См. там же. С. 65.

³ См. там же. С. 92.

⁴ Там же. С. 97.

ции лидеров и теоретиков германской социал-демократии, «делаются их верными оруженосцами». Выполняя «социальный заказ» социал-реформистов, Плеханов «виртуозно» оправдывал их политику и под прикрытием революционной фразеологии, под видом революционного марксизма контрабандой протаскивал в русскую социал-демократическую литературу самый доподлинный оппортунизм¹.

Так давние поиски «зародышей меньшевизма» в программном творчестве группы «Освобождение труда» обрели концептуальную форму, в рамках которой изучение раннего социал-демократического движения в России могло идти лишь по пути антиисторизма, не имеющего ничего общего с марксистско-ленинской методологией.

Таким образом, важнейшая проблема теоретического основания российской социал-демократии на протяжении изучаемого периода научно не была разрешена. Здесь с особой наглядностью обнаружилось противоречия, связанные с недостаточным уровнем овладения марксистско-ленинской методологией научного исследования, ее основополагающими принципами.

Наметившиеся в начале 20-х гг. более или менее выверенные в методологическом отношении подходы к постановке и решению проблемы не получили развития. В работах ряда исследователей отчетливо проявился методологический эклектизм, который в практике научной работы не мог дать ничего, кроме отказа от историзма и всевозможных тенденциозных искажений. В сложной общественно-политической ситуации конца 20 — начала 30-х гг. в изучении проблемы ясно обозначился сдвиг в сторону конъюнктурного «обличительства», которое в своих крайних проявлениях позволяло, с одной стороны, усматривать даже в первых программных документах группы «Освобождение труда» «оппортунистические искажения коренных принципов марксизма», а с другой — в каждой попытке объективного решения проблемы обнаруживать «утрату исторической перспективы»². В методологическом отношении этот сдвиг означал не что иное, как сползание к субъективизму и догматизму.

¹ См.: Черномордик С. И. (П. Ларионов). Группа «Освобождение труда». С. 87—92. Автор даже в «Наших разногласиях» Плеханова сумел найти зародыши троцкистской идеи «перманентной революции» (см. там же. С. 80).

² См., например: *Абрамов Арк.* Вопросы теории и истории большевизма в «Малой советской энциклопедии» // Книга и пролетарская революция. 1932. № 6—7. С. 30—32.